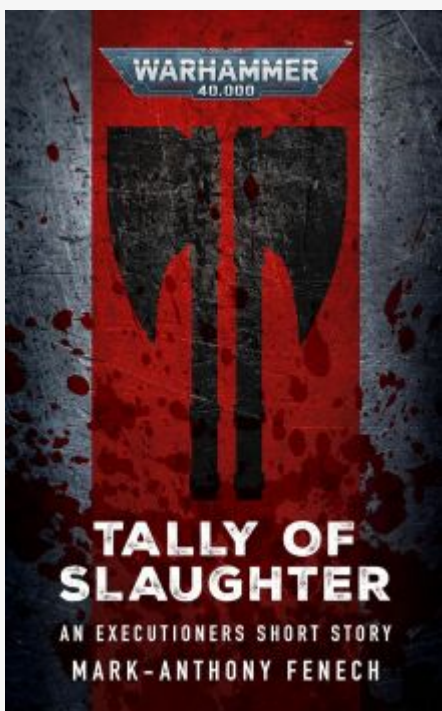

Счёт забоя / Tally of Slaughter (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Счёт забоя / Tally of Slaughter
(рассказ)

Автор	Марк-Энтони Фенек / Mark-Anthony Fenech
Переводчик	Евгений Доев
Издательство	Black Library
Год издания	2024
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Разел поднял глаза, когда зазвонили колокола.

Говорящий-с-Мёртвыми Палачей преклонил колени в нефе реклюзиама. Он поднял наруч своей недавно созданной брони модели X, чувствуя его вес, и начал гравировать ещё одно имя.

«Сренг».

До Сренга этот наруч носил Мидир, а еще раньше — Луг. Разел покрыл наручи кислотой из базальтовой

чаши, навсегда запечатлевая имена в металле. Закрепляя причастие.

Он положил стилус. Всё долгое путешествие через варп было потрачено на это священное действие, но перенос имён с его старого доспеха типа VII был, наконец, завершён.

Перед ним лежал крозиус арканум Шарур — шипастая булава из трижды прокованного адамантия, убийца тысяч. Отметины на нём отражали шрамы его носителя. Его голос отражал ярость боевых проповедей — орудие войны, с помощью которого космодесантник расчищал путь к искуплению.

Это деяние сохранит его имя живым ещё долго после его ухода из жизни, сохранит запечатлённым так же надёжно, как и сами доспехи.

«Мафусаил» вздрогнул, его варп-двигатели напряглись. Одновременно загудели плазменные двигатели, пробуждённые к яростной жизни возваниями технокосмонавтов. Среди грохота конструкция корабля содрогнулась и прогнулась, развевались висящие вдоль всего свода до самого притвора знамёна. Пламя, горящее в жертвенных чашах вокруг алтаря, подскочило выше, а позади него хор аквилонских слуг запел с ещё большим рвением. На нижних уровнях люди племён Стигии отбивали всё более быстрый такт на литаврах, переходя в ритм нарастающего крещендо.

А потом — тишина.

На мгновение те, кто называл «Мафусаил» своим домом, затаили дыхание, когда корабль прорвался в реальный космос в точке Мандевиля. Кожа реальности растянулась, варп не хотел отпускать корабль. Ударный крейсер пробивал себе путь, его нос непреклонно сопротивлялся притяжению Имматериума.

Когда вибрация утихла, кратковременное спокойствие нарушил перезвон серебряных колокольчиков.

— *Успешный переход в систему Биньяамем, Говорящий-с-Мёртвыми*, — передала по воксу капитан корабля Лорейн. — *Ауспик дальнего радиуса в процессе активации, господин.*

— Какова погрешность? — спросил он.

— *По данным навигатора Чжэна, в пределах допустимых параметров, с поправкой на три часа от ожидаемого и плюс двадцать градусов над эклиптической Биньяамема.*

— Сейчас этого достаточно. Я присоединюсь к вам в своё время.

Говорящий-с-Мёртвыми поднялся и надел покрытый гравировкой наруч.

Его долгое бдение во время варп-перехода закончилось, оставаясь позади себя так же надёжно, как и недоверие Империума. Добыча наконец-то была в пределах досягаемости.

Проходя по нефу, он остановился и покачал головой, когда тень между колоннами двинулась.

— Я бы спросил, как долго ты стоишь за этой колонной и наблюдаешь, — со сдержанной иронией начал Разел, идя к проходу между скамьями, — но я знаю, что ты был здесь с тех пор, как мы покинули Тёмный Склеп и началось моё бдение.

Эпистолярый Игикура усмехнулся в ответ и вышел под сень нефа.

— Я следил за тобой. Как твои раны после операции Рубикона?

— Гораздо лучше, — ответил Говорящий-с-Мёртвыми, вытягивая шею из стороны в сторону и разминая

плечи. — Моё тело хорошо приспособилось к этим новым имплантатам, и аптекарион удовлетворён ходом адаптации. Моя реакция и сила значительно улучшились в тренировочных клетях лудусов.

— Столь необходимое благо в этот век тьмы, — сказал Игикура. — Дар, который, я надеюсь, ты не растратишь ради мести.

Разел вздохнул.

— Я представляю твои чувства по этому поводу, но меня не отговорить. Эта охота — незавершённое дело, которое нужно решить раз и навсегда. Это то, для чего мы были созданы в этой галактике бесконечной войны.

— Да, война — это то, для чего мы созданы. Но Искупительный поход нашего ордена *окончен*. Палачи завершили своё покаяние, и впервые за сто лет мы смогли пополнить наши поредевшие ряды новыми рекрутами. Теперь на наших тренировочных площадках раздаются звуки боевой подготовки и стрелковых обрядов. У нас есть новые машины и оружие. Наши люди снова идут служить на наши корабли, — умоляюще воззвал Игикура, охватывая вскинутыми руками аквилонцев и стигийцев позади себя. — Нам предстоит вести новые сражения среди этих тёмных звёзд. И хотя ты перешёл Рубикон, ты продолжаешь нести эту старую войну на шее, как ярмо.

Говорящий-с-Мёртвыми сделал паузу, обдумывая слова эпистолярия, прежде чем ответить.

— Это далеко не мелкая обида. Не все Астральные Когти с «Костра славы» понесли расплату. В прошлом столетии я по крупицам отслеживал местонахождение тех немногих — этих самоназванных Ушменгаров, — которые сбежали с боевой баржи Саламандр. Их нужно выследить и убить так же, как и вероломных Астральных Когтей, которых мы встретили на «Костре».

Разел взял свой череполикий шлем и с шипением герметизации застегнул его.

— Только когда последний из этих предателей умрёт и их порча будет иссечена, я буду считать себя искупленным.

Штурмовой корабль класа «Владыка» под именем «Катурикс» поднялся с ревом маневровых двигателей и медленно прошел через невидимое силовое поле взлётной палубы. Он повернулся к планете и, включив форсаж, начал спуск.

Среди Палачей на борту стоял лишь Разел, примагнитивший ботинки к палубе. Его правая рука покоилась на навершии крозиуса, а шлем он держал на сгибе левой руки. Показывая другим воинам своё лицо с татуировкой черепа, все ещё запятнанное пеплом покаяния, он давал им понять, что почитает их демонстрацией своей ревностной ярости.

Говорящий-с-Мёртвыми посмотрел на свой собранный отряд, на своих охотников. Некоторые, такие как Игикура, или Годан и его клинковые гвардейцы, были с ним с самого начала — покрытые морщинами и шрамами Искупительного похода ветераны. За исключением библиария, они последовали примеру Разела и перешли после того, как он получил Дар Коула. Гвалхмай и его заступники-штурмовики были среди первых космодесантников-примарис, созданных из населения Стигии-Аквилона.

Спустя столетие Палачи увидели изменившуюся Галактику и обнаружили факелоносный флот, ожидающий их в Тёмном Склепе. Обновивший их.

— Братья, — начал Разел. — Некоторые из вас стояли со мной с позорных времён Бадаба и принесли обет кающегося. Единые в стыде, мы вершили наш поход. Будь прокляты Астральные Когти и их вероломство!

Годан и его гвардейцы напряглись при упоминании старого врага — предателей. Игикура был более спокоен, если не считать нахмуренных бровей и поджатых губ. Нимб колдовского света озарял психический капюшон его доспеха типа VII.

— Вы последовали за мной через Рубикон, когда лорды Империи сочли нас искупившими свою вину. Это было правдой и для вас — но не для меня. Лишь тогда я буду считать себя очищенным, когда выполню задачу, которую сто лет назад поставил передо мной верховный капеллан. Лишь тогда, когда Калаг умрёт и Ушменгары перестанут существовать.

Он сделал паузу, изучая их решимость.

— Вот что я скажу вам: если бы честь была богатством, то даже самых младших наших братьев — тех, кто присоединился к нам по возвращении на Стигию-Аквилон — можно было бы считать королями. Нет никого другого, с кем рядом я бы желал быть на этой охоте.

В ответ Гвалхмай дважды ударил по палубе оковкой своей гады, и Разел кивнул заступникам в знак уважения. Только Игикура с неодобрением смотрел на его неустанные разговоры о мести.

— Я освящу наши дела перед Императором, — продолжил Разел. — Я представлю Ему наши счета забоя. Быть увековеченным во славе — это честь, братья мои. У Волков Фенриса есть свои саги. У сынов Вулкана — своё ремесло. У нас есть счета. Наши трофеи — свидетельство наших подвигов среди звёзд. Пусть имена мёртвых на моих доспехах выразят свой гнев. Пусть наши шрамы станут заявлением Галактике. Когда я закончу эту охоту, мы разделим славу вместе, как равные. Таков мой завет и моё обещание вам.

В ответ собравшиеся Палачи ударили кулаками по нагрудникам. Мгновение спустя библиарий последовал их примеру.

Светящийся от жара фюзеляж «Катурикса» задрожал, когда корабль вошёл в мезосферу Биньяамама.

Снаружи и внутри, ярость пылала вновь.

Облака пепла светились тускло-оранжевым светом, покрытые трещинами вулканических молний.

Вокруг них раздавались несмолкающие раскаты грома, перемежавшиеся далёкими извержениями и ритмичными отзвуками шагов мануфактура. Шлейф пирокластической пыли поднимался с каждым громким шагом, который делал колоссальный комплекс Механикус с обозначением 506E746B727472, и смешивался с дымом, который изрыгали его огромные трубы.

Эти движущиеся мануфактории были храмами-кузницами Биньяамама — кочевыми сооружениями, которые бродили по лавовым полям и рудным пластам. Когда наступал период вулканических штормов и тектонических сдвигов, они высасывали минеральные богатства мира.

Оставляя за собой огненный след, «Катурикс» нырнул сквозь облачный покров и резко накренился над кормой мануфактура. Гатлинг-лазеры на законцовках крыльев и тяжёлые болтеры открыли ураганный огонь по взлётно-посадочной палубе, заставляя осквернённых скитариев спрятаться. Турбовинтовые

двигатели зарычали, когда судно замедлилось и, избегая зоны поражения зенитных орудий, зависло над назначенной зоной высадки. Твёрдые частицы заставили щиты корабля мерцать всполохами статического электричества.

Штурмовые рампы со свистом открылись. Череполикий шлем Говорящего-с-Мёртвыми Разела заблестел, когда он активировал Шарур и указал потрескивающей булавой на цель внизу.

— Вместе! — воззвал он. Широко раскинув руки, он прыгнул в мерцающую жаркую дымку, сопровождаемый эписолярием Игикурой и Палачами. Приземление со звонким звуком удара оставило вмятину на толстом армапласте. Разел медленно поднялся, окружённый ореолом огня тех скитариев, чьи протоколы убийства превосходили любое представление о безопасности перед орудиями «Катурикса». Прицельная сетка шлема идентифицировала альфа-скитария, и десантник поднял пистолет.

— Смерть предателям! — проревел он.

Череп еретеха взорвался во вспышке раскаленного металла и биопластиковых мозговых лигатур.

Лязг и тяжёлые шаги возвестили о том, что пятнадцать Палачей высадились позади него. Розарий Разела поглотил огонь скитариев, пока он стоял, решительный и непоколебимый. Силуэт Говорящего-с-Мёртвыми мерцал, и каждый попадавший в силовое поле выстрел его подсвечивал.

— Посмотрите на них, братья! — Разел взмахнул Шаруром по дуге, указывая на скитариев-предателей с презрительной насмешкой. — Отбросы, непригодные для наковальни своего Бога-Машины.

Говорящий-с-Мёртвыми рванул вперёд и прыгнул к ближайшей баррикаде. Призывая своих братьев следовать за ним, он с грохотом оказался среди скитариев. Частицы пыли вспыхнули на силовом поле его крозиуса, когда Разел обрушил его на первого кибернетического воина в пределах досягаемости.

Игикура и клинковые гвардейцы следовали за ним по пятам, вонзая во врага свои топоры, и их грозовые щиты сверкали в ядовитом мраке. Несмотря на тщательно соблюдаемые протоколы и неестественную стойкость, полученную от своих повелителей-еретиков, павшие воины Механикус оказались не готовы к чистой свирепости Палачей. Психическая сила эписолярия приняла вид накатывающей волны молний и коронных разрядов, которая лишила визжащих скитариев связи с Движущей силой. Библиарии ордена сочли его врождённые способности и потрясающий талант слишком ценными, чтобы ими рисковать, и поэтому он был одним из немногих Палачей, которым было отказано в переходе через Рубикон.

Рексор, который смеялся лишь в моменты убийств, был первым из клинковых гвардейцев, добравшимся до скитариев. Он ударил грозовым щитом в лицо первого киборга-воина, выбивая его глаза рантом. Бинарные вопли и кодовый лай смешивались с визгом цепных мечей и выстрелами тяжёлых болт-пистолетов. Гвалхмай и его заступники-штурмовики следовали за своими командирами и клинковыми гвардейцами, прорываясь через оборону и присоединяясь к атаке на силы еретехов.

Разел взмахнул Шаруром и сплеча обрушил его на противостоящего ему скитария с такой силой, что киборг просто распался. В следующие мгновения он развернул удар, взметнув булаву вверх и влево, чтобы разбить ноги другому противнику, прежде чем раздавить его голову ботинком.

Говорящий-с-Мёртвыми сверился с хронометром на ретинальном дисплее. Они хорошо использовали время и, по-видимому, застигли противника врасплох. Однако несмотря на то, что палубу заполонила орда скитариев, его насторожило отсутствие астартес-предателей, руководящих киборгами на палубе.

— Есть какие-нибудь признаки Калага и Ушменгаров? — обратился он по воксу к Игикуре.

— Никаких, — проворчал эпистолярый. — Внутреннее пространство мануфактура скрыто от моего взгляда. Однако мы знаем, что он на борту, и это точно.

— Калаг и его проклятые воины будут ждать, чтобы привлечь нас, — сказал Разел, подходя к последнему скитарю. Говорящий-с-Мёртвыми презрительно отбил винтовку крозиусом, прежде чем проломить нагрудник сжатым кулаком. Когда воин Механикус умер, его глаза вспыхнули помехами, а его одурманенный варпом разум распался на случайные вздохи кода.

Дисплей шлема Разела погас, ультразвуковой визг послал водопад бессмысленных рун на линзы. Он взглянул на Игикуру и остальных своих людей, которые испытывали ту же проблему.

Серебристые глаза эпистолярия, встретившие взгляд Говорящего-с-Мёртвыми, светились в серном мраке.

— Внутри проходит какой-то мерзкий ритуал. Я чувствую его влияние. Время против нас.

Разел кивнул.

— Мы можем оказаться отрезанными от наших братьев на орбите.

— Скорее возвращайтесь на «Мафусаил». Встреча через три часа, — передал он пилоту «Катурикса».

— *Принято*, — последовал ответ. Двигатели «Владыки» вспыхнули, когда он развернулся вокруг своей оси, а затем помчался вверх к ударному крейсеру, звуковой волной разгоняя дым вокруг себя.

Разел направился к запечатанной переборке, которую охраняли скитарии, подстроившись под походку шагающей фабрики и наклон палубы. Он замахнулся крозиусом, целясь в замок. Сверкнула актиническая молния, и механизм взорвался ливнем искр. Сила сервоприводов брони, витых жил и собственных мускулов соединилась в едином порыве, когда Разел напрягся и распахнул запечатанную дверь.

Он вошёл внутрь, навстречу искуплению.

Кабели скользили по покрытым патиной трубам, с которых капал конденсат. Вой сирены перемежался стробоскопическими импульсами аварийного освещения. Коридор, казалось, изгибался, содрогаясь от приближающейся волны заблудших и проклятых.

Плоть атакующих культистов была скреплена бионикой, вырванной из мёртвых скитариев. Ноги некоторых из них были заменены лезвиями, другие скользили вперёд на механодендритах. У некоторых имелись лазружья, автовинтовки и радиевые карабины, в то время как у других были дёргающиеся металлические щупальца на месте рта или заменившие глаза стволы пистолетов. Они карабкались по стенам и ползли по потолку, пронзая металл острыми конечностями. Боль от плохо приживлённых имплантатов и поводок воли, царившей в их изувеченном разуме, заставляли их идти вперёд и бросаться на Палачей.

За их спиной стоял первый Ушменгар — возвышающаяся злобная тень в силовой броне, чьи неясные очертания то обретали ясность, то снова размывались. Глаза были единственным чётко отличимым аспектом его формы и светились с яркостью квазара. От его силуэта исходило тепло, но, когда Разел посмотрел на него, он почувствовал лишь укол холода, пустоту, в которой умирал свет.

Когда-то это были предатели с Бадаба — мясники, которые показали своё истинное лицо на «Костре славы». Разел не до конца понимал, чем они являются теперь.

Ушменгар был вратами для чего-то огромного и ужасного.

Едва Разел заглянул за порог, как в ушах прозвучал трупно-холодный и голодный голос. А потом он увидел, как Гвалхмай с неумолимой силой тянется вперед. Глаза Говорящего-с-Мёртвыми заныли. Он стиснул зубы и крепче сжал крозиус. Во рту чувствовался привкус статического электричества, а в ушах звенело. Он подошел к Гвалхмаю и схватил его за наплечник.

— Укрепи свой разум, брат. Не поддавайся уловкам врага.

Сержант-секирщик зарычал, отбрасывая влияние Ушменгара.

Впереди клинковые гвардейцы сомкнули щиты и позволили культистам о них разбиться. Вонь обугленной плоти соревновалась с запахом работающих силовых полей щитов. Палачи удерживали позиции, и даже под увеличивающейся тяжестью тел их топоры собирали с еретиков богатую жатву.

Позади них заступники убивали спрыгнувших с потолка культистов грохочущими выстрелами из пистолетов и ударами рычащих цепных мечей. Сержант-секирщик Гвалхмай замыкал шествие, снова готовый к битве. Великан среди своих братьев, он дробил тела культистов, оказавшихся в досягаемости его грозной булавы.

По приказу Разела ветераны двинулись вперед в едином ритме, отбрасывая обезумевшую волну своими щитами. Сабатоны Палачей давили искалеченные трупы, пока под ногами не потекли ручьи крови и масла.

— Как далеко мы от транзитных лифтов? — прокричал Годан сквозь шум боя.

— Не слишком, — ответил Разел, прежде чем крикнуть. — По команде!

Клинковые гвардейцы приготовились.

— Сейчас!

Ветераны единогласно взревели и с возросшим рвением совершили толчок своими щитами, освободив Разелу место для прорыва. Капеллан поднял свой крозиус и двинулся вперед, сокрушая врагов. Его взгляд был прикован к Ушменгару, стоявшему позади культистов. В тот момент ничто не имело большего значения, чем то, что он достиг своего ненавистного врага.

Космодесантник Хаоса наклонил голову вбок, впившись глазами в Разела. Когда Говорящий-с-Мёртвыми оказался в пределах досягаемости, он кивнул и широко раскинул руки.

Палач взмахнул крозиусом. Фракталоподобный силуэт предавшего астартес вздрогнул, когда Шарур соприкоснулся с ним. Послышался рёв огромной печи, сопровождаемый воплем перегруженных мехов, лязгом шестерён и стуком поршней. Ушменгар исчез, словно унесённый ветром дым, оставляя за собой лишь хор удаляющихся криков.

Разел почувствовал нарастающий в горле вой, когда он расправил плечи и проложил себе путь сквозь оставшихся культистов в надежде преследовать привидение. Лишённая направляющей силы, толпа пришла в смятение и стала лёгкой добычей изничтожающей злобы Говорящего-с-Мёртвыми.

+Умерь свой гнев, брат! Не позволяй этой обиде взять над тобой верх. Твоё искупление близко.+

Окружённый облачками испаряющейся крови культистов, Разел чувствовал, как сосредоточенность Игикуры проникает в его разум, укрепляя его волю и закаляя саму его душу.

— Это... — сказал он эписистолярию, восстановив самоконтроль, — это был Калаг.

— Я знаю, — ответил Игикура, на этот раз используя речь. — И ещё кое-что. Кажется, я почувствовал другой след.

Игикура опустился на колени и положил обе руки на скользкий от крови пол. Его серебряные глаза светились. На лбу эписистолярия выступил пот, а губы задрожали. Нарамник и печати чистоты Разела затрепетали во внезапном порыве эфирного ветерка.

— Что ты видишь?

— Машинный дух этого храма-кузницы. Он борется, воеет в неповиновении. Он противостоит Калагу и... ещё одному жестокому существу. Злобным сущностям, кричащим свою мантру среди грохота кузницы! Какой бы ритуал ни начали Ушменгары, он скоро достигнет своего апогея.

Разел положил руку на наплечник эписистолярия.

— Тогда давай покончим с этим, брат.

Стена шума обрушилась на Палачей, едва двери транзитного лифта открылись. Главный технологический зал, занявший средний и верхний уровни кузницы, представлял собой лабиринт в милю длиной. Его внутренности были заполнены колеблющимися машинами и пылевидным смогом, который циркулировал через работавшие на пределе возможностей поглотители газа. Похожие на башни дымовые трубы поднимались через потолок на открытые верхние палубы. Всюду стоял неутихающий грохот доменных печей, плавящих перекачиваемую лаву. Жидкий металл переливали в макроковши на железнодорожных вагонах, которые вывозили команды сервиторов-огринов. Под наблюдением надсмотрщиков на верхних порталах ещё несколько групп лоботомированных недолюдей тянули звенящие цепи, поднимали новые ковши и заливали светящийся расплав в конвертеры.

В противоположном конце зала, откуда появились Палачи, находился алтарь и ряды когитаторов архимагоса Вулкануса и его подчинённых. Функция этого пространства была схожа с мостиком звездолёта, однако, как и всегда в случае Адептуса Механикуса, это место было в одинаковой степени мануфактуром и храмом.

Калаг и его чудовища жестоко повелевали комплексом под едва слышный лепет марсианского жречества.

Воздух мерцал от адского жара, а печи, ковши и сервиторы растворялись в матовом мареве. Над головой останки архимагоса плыли сквозь красный дым на вершине абейнта. Существо добавляло в общую какофонию визг мусорного кода, хаотично моргая аугметическим кластером глаз. Провода намертво соединяли его, лишённого топора Омниссии, с парящей кафедрой.

Игикура вздрогнул. Психическая нагрузка стала ещё более тяжёлой в непосредственной близости от командного алтаря. Дрожь пробежала по ядовитому воздуху и потрясла горячую мглу. Эписистолярий видел мерцающий свет, который резал глаза и набирал силу.

Палачам пришлось пробивать путь сквозь похожий на преисподнюю пейзаж из макромашинерии и закрытых галерей. Они находились во внутренностях хищной и совершенно враждебной всему живому промышленности, где каждая поверхность мерцала от нагрева. На космодесантников обрушились радиационные и гальванические пули, а мутный воздух прорезали трассеры и следы пара. Стоявшие в проходах отряды осквернённых скитариев и стрелковых сервиторов направили на них своё оружие.

Точный выстрел из аркебузы остановил клинкового гвардейца Турула. Трансурановый заряд расколол его шлем и раздробил голову на куски. Балта споткнулся, его броню заклинило, когда выстрелы из тяжёлого болтера пробили бронезащиту его ранца. Разел схватил наплечник рычащего заступника и затащил брата за теплообменник.

— В укрытие!

Палачи рассредоточились, ища укрытия за печами, и неприцельно стреляли по скитариям наверху. Космодесантники продолжали медленно двигаться дальше, несмотря на силу обстрела, сотрясавшего промышленное оборудование вокруг них.

— Нас подавят огнём, если мы не вырвемся на открытое пространство, — крикнул Игикура Разелу.

Его ауспик запел, подавая множественные сигналы. Первыми на позицию Палачей наступали несколько групп сервиторов-огринов во главе с надсмотрщиками-Ушменгарами, которые подгоняли своих подопечных с помощью болевых стрекал. Некоторые из недолудей несли сварочные аппараты, поршневые молотки и гаечные ключи, в то время как другие готовились использовать свои промышленные лопаты как импровизированные пики.

— Дайте им подойти. Мы загоним их между доменными печами. Но продолжайте двигаться. Мы должны добраться до Калага.

Набирая скорость, Палачи перелезли через машины и ринулись по проходам между ними.

Однако их бег недолго был беспрепятственным.

Под мерцающим светом перегорающих натриевых ламп и огненным сиянием печи, льющимся сверху, облачённые в керамит кулаки врезались в серебристые термозащитные скафандры и разбивали флаконы со стимуляторами. Вращающиеся цепные мечи с визгом отрывали грубую аугметуку и впивались в искусственно выращенную плоть. Говорящий-с-Мёртвыми встретил дугу сварочного аппарата Шаруром. Яркая, как вспышка фосфора, молния превратилась в раскат грома, когда электрическая дуга оружия огрина отразилась силовым полем крозиуса. Огрин споткнулся и на мгновение ослеп. Разел вытащил пистолет и трижды выстрелил в сварочную маску недочеловека.

Внезапный болтерный огонь ударил по нагруднику и наплечнику Разела, прочертив линию через символ ордена в виде двойных топоров. Облачённый в шипованный доспех Ушменгар был молчалив и методичен, в отличие от своих прихвостней-недолудей. Он отбросил использованный магазин и собирался зарядить другой.

Разел набросился на него.

Говорящий-с-Мёртвыми взмахнул крозиусом, но космодесантник Хаоса уклонился от атаки. Широкий удар прошёл в сторону и, попав в стенку печи, оставил на ней трещины. Разел нанёс удар пистолетом и выбил болтер противника из рук. Не испугавшись, Ушменгар вырвал поршневой молоток у убитого огрина и остановил нисходящий удар Палача. Мышцы напряглись, витые жилы сжались, и он поверг

астартес-предателя на одно колено.

Самообладание Ушменгара исчезло, и он взревел в лицо Говорящего-с-Мёртвыми. С усилием он поднялся на ноги и оттолкнул Разела. Выстрелы из пистолета Палача раскололи шлем своего противника, обнажая металлическое лицо под ним. Граница между органическим и неорганическим была размыта до такой степени, что они стали одним целым. Масло вытекало из разрушенной брони и нечистой металлоплоти.

Разел взмахнул молотом, но тот вылетел из его руки.

Космический десантник Хаоса бросился на Разела и схватил его за живот, отталкивая назад, в выпуклые трубы доменной печи. Просунув пистолет «Палач» в зазор между шлемом и горжетом, Говорящий-с-Мёртвыми разрядил магазин в шею предателя. Хватка Ушменгара ослабла, и Разел оттолкнул его назад, прежде чем схватить крозиус обеими руками и изо всей силы обрушить его на голову ненавистного врага. Череп противника взорвался брызгами металла и горячей помеси крови с маслом.

— Ещё враги! — крикнул Гвалхмай, когда несколько сервиторов-огринов ввалились на их позицию. Вместе с Хунором и Магором он бился с массивными недолюдьми, которых сводили с ума стимуляторы и болевые стрекала.

— Будьте готовы выдвинуться, — сказал Разел заступникам. Говорящий-с-Мёртвыми прошептал молитву машинному духу крозиуса. С замахом он нанёс удар по одной из труб, с которыми столкнулся ранее, и с глухим лязгом прогнул металл. Быстрая серия взрывов прорвала трубу, заполнив замкнутое пространство потоком перегретого воздуха. Внезапно раздался оглушительный вой. Трещины паутиной покрыли огнеупорный скалобетон стенки печи вместе с верхней частью кожуха, а сквозь них засияли вспышки огня.

Разел и заступники ринулись вперёд, оставив ревущую массу сервиторов-огринов под палящим жаром. Недолюди вцепились в алюминизированную ткань, в слепой панике срывая одежду и аугметику. Узлы дуговых генераторов тут же закоротило, и удары тока мгновенно убили огринов в их доспехах, оставив их жалкими кусками обгоревшей плоти.

Разел присоединился к Игикуре и клинковым гвардейцам в главном проходе, оставив разрушающуюся доменную печь позади. Глаза эпистолярия сияли, но его пепельно-бледное лицо было явным свидетельством всех духовных и психических мук, которые ему довелось вытерпеть.

В конце зала разразилась гроза. Сверкнула молния, бросающаяся от одной печи к другой. Полился сернистый дождь. Нечестивое сияние пульсировало в полутеневом мраке, сопровождаемое пронзительным звуком украшающих алтарь бронзовых рогов. Свечение поднялось из святилища командного храма, после чего направилось к Говорящему-с-Мёртвыми и эпистолярию, которые оказались ближе всех к покрытой двоичной гравировкой площади.

Посреди пульсирующей бури находился Калаг. Расплавленный металл вытекал из доменных печей и образовывал огненные колёса, которые постепенно сложились в армиллярную сферу, вращающуюся вокруг плывущего по воздуху Ушменгара.

Скитарии визжали двоичным кодом, пока неведомая сила поднимала их с мостков и тянула к оку бушующего урагана. Их тела сами собой рассыпались на части, их плоть превращалась в пепел, а бионика сливалась с крутящимися кольцами, на которых сформировались кровотокащие глаза.

Когда Калаг направился к Разелу и Игикуре, за его спиной раскинулось inferнальное видение гигантского хранилища-кузни, которое легко перекрыло собой реальность мануфактурума. В нём слышался рёв колоссальных печей, тяжёлое дыхание монументальных мехов, звон бесчисленных молотков, стук поршней, лязг механизмов — и всё это сопровождалось надрывными криками измученных, питающих кузницы душ.

Строй Ушменгаров вышел из теней позади, стремясь отрезать Палачей. Разел расправил плечи, вызывая Годана и Гвалхмая по воксу.

— Вы и остальные, задержите этих ублюдков, — сказал он, прежде чем схватить наплечник Игикуры. — До конца, брат.

— До конца, — ответил эпистолярый, игнорируя капавшую из кристаллов его психического капюшона кровь.

Говорящий-с-Мёртвыми поднял светящийся Шарур ко лбу. Потрёпанное силовое поле его перегруженного розария замерцало. Яркое сияние залило Игикуру, пока его разум прорывался сквозь надвигающуюся бурю и искал безопасную связь с варпом.

Если раньше очертания Калага были эфемерными, как попадающий в фокус и снова размывающийся набросок углём, то теперь силуэт словно бы обрёл материальность. Его обожжённые дочерна доспехи были пропитаны нечистыми маслами и мазями. Механодендриты извивались между пластинами брони подобно грибковым наростам, которые стремились к некоему жуткому единению с появившимся демоническим механизмом. Окружающие его ободы армиллярной сферы, которые были одновременно защитой и деформирующим реальность механизмом, ускоряли своё вращение — до такой степени, что когда варповый кузнец приблизился к десантникам, очертания колец размылись.

Подготовив свой разум, Разел бросился на свою жертву с литанией ненависти на устах. Связки фиброволокон доспеха модели X с жужжанием сократились, вместе с витыми жилами, значительно увеличивая силу Палача. Он прыгнул на колеблющейся край ковша доменной печи, высоко подняв крозиус.

Однако стоило Говорящему-с-Мёртвыми коснуться вращающихся колец, как его отшвырнуло назад на теплообменник. Разел соскользнул на пол, его нарамник дымился. Он моргнул и выключил тревожные сигналы своей натужно хрипящей брони.

Игикура вышел на врага, один в своей непокорности. Кристаллическая матрица его топора вспыхнула, сосредотачивая силу перед тем, как библиарий обрушил ментальную атаку на Калага. На короткий миг крутящиеся кольца замедлились, и возникшая в ответ вспышка пламени охватила эпистолярия. Оберегающие символы на доспехах Палача засияли невыносимо ярким светом, отражая худшие последствия атаки варпового кузнеца. Разум библиария охватили горячечные галлюцинации, а непрерывные атаки Ушменгара градом обрушились на его душу. Позади Игикуры космические десантники Хаоса теснили клинковых гвардейцев и оставшихся заступников, всё сильнее сжимая их строй. Годан пал, и Гвалхмай возглавил силы Палачей вместо него. Со свирепой мощью сержант-секирщик размахивал гадой, нанося громоподобные удары и сдерживая наступление Ушменгаров.

Ощув агонию брата, Разел поднялся и замахнулся для нового удара. Волна резонанса пронеслась по армиллярной сфере, но никакого заметного эффекта не было. Без каких бы то ни было колебаний Говорящий-с-Мёртвыми продолжил бить, снова и снова. Генератор силового поля крозиуса приближался к пределам своих возможностей, но его владелец был по-прежнему неумолим в своей ярости. Из

демонических глаз на кольца брызнул ихор. Калаг, чьё внимание было полностью сосредоточено на Игикуре, взглянул на Разела, встречая его взгляд своими сияющими глазами.

Высокочастотный визг предшествовал уничтожению дисплея шлема Разела. Его броня показалась ещё более тяжёлой. Фибромышцы напряглись и сервоприводы замерли, удерживая Палача в вертикальном положении. Напрягшись, он смог поднять руки и сбросить шлем.

Варповый кузнец увидел, как покаянный пепел начал опадать с непреклонного лица Разела, и усмехнулся.

— Цепная псина Ложного Императора, — его голос прогремел, словно бьющий по наковальне молот бога.

В ответ Разел оскалил блестящие от крови зубы.

— Ты должен был умереть на Бадабе.

— О, видишь ли, я *действительно* умер. Мы застряли в имматериуме после того, как варп-двигатели подвели нас — покинутые, преданные гниющим Империеумом и жестоким богом в золотой обманке. Где был тогда Люфгт Гурон? Где были все его обещания, вся его ложь? Нам больше не нужен ни он, ни твой бог-падальщик. Теперь мы служим новому божеству!

Калаг развернулся к разраставшемуся порталу позади. Его руки будто бы объяли адскую сцену и высокую демоническую фигуру с крыльями-косами, смотрящую на Палачей с выражением насмешливого интереса.

— Узрите Ковчеготатца, нашего спасителя! Мы даруем этот храм-кузницу Марса ему!

Разел опустил глаза, не желая терять рассудок от вида чудовища.

+Брат...+ Голос Игикуры сквозил напряжением от титанического усилия. +Я не дойду до конца.+

Говорящий-с-Мёртвыми зарычал.

Библиарий прервал его.

+Избавь меня от возражений. Я отвлеку его и удержу кольца. Но у меня не хватит сил на последний удар. Он принадлежит тебе. Пусть же твой Искупительный поход завершится так.+

Хотя он обоими сердцами чувствовал, что их судьбы должны были сложиться по-другому, Разел знал, что его брата не получится убедить иным способом.

— Во имя Императора, брат, — сказал он.

Эпистолярый кивнул.

+Прощай, Говорящий-с-Мёртвыми.+

Разум Игикуры вознёсся в варпе подобно восходу нового солнца. Его броня горела нематериальными энергиями, сверкающие всплески энергии каскадом пронесли по его конечностям и вспыхнули струящимися дугами. Ветвящаяся молния метнулась к крозиусу Говорящего-с-Мёртвыми и исчезла в нём. Прощальный подарок одного боевого брата другому.

Глаза библиария горели серебряным адом. Выронив топор, он вытянул руки вперед и силой воли сковал

движение вращающихся колец. Когда они остановились, раздался стон истерзанного металла. Теперь Калаг был полностью сосредоточен на нём.

Разел не терял дарованного времени зря. Когда внимание варпового кузнеца было обращено на эписистолярия, его доспехи освободились от хватки предателя. Палач двинулся вперёд, остановившись только для того, чтобы подхватить топор Игикуры и одновременно поднять крозиус. перейдя на бег, Разел прыгнул на одно из замерших колец и метнул силовой топор. Объятое пламенем оружие завращалось в воздухе, всё ещё пропитанное психической мощью и самопожертвованием Игикуры.

Набравшее огромную скорость лезвие вонзилось в нагрудник Калага, и из трещины выползли щупальца тьмы. Несколько мгновений спустя Разел оказался рядом вместе с Шаруром, несущим в себе осколок эмпирической силы эписистолярия.

Разъярённый варповый кузнец заблокировал удар Говорящего-с-Мёртвыми демоническим топором с лезвием в виде зубцов шестерни. Механодендриты пронзили броню Разела и глубоко впились в его плоть. Булькающая заполнившая лёгкие кровью, Палач вытащил булаву из блока и нанёс неистовый удар, а за ним другой. Снова и снова Разел разбивал броню своего врага, пока испорченная суть Ушменгара больше не могла удержаться в доспехе.

Крах оболочки Калага напоминал смерть звезды. Звуки агонии вырывались из его распадающегося тела, чёрное пламя хлестало между пластинами брони, а его плоть превращалась в прах.

Будто бы сам свет судорожно вдохнул, а реальность моргнула.

Когда-то вращавшиеся, кольца раскололись, и их обломки разлетелись ударной волной. Ужасающая картина нечестивой кузницы исчезла. Силуэт, выжженный на останках командного храма, был единственным следом бывшего присутствия Ушменгара.

Разел стоял на командном мостике лишь до того момента, как увидел удары лэнс-излучателей, пронзающих храм-кузницу и раскалывающих землю вокруг него. Мануфакторум недолго балансировал на вздыбившейся поверхности, неуклюже спотыкаясь на манер раненого зверя, прежде чем рухнуть в поднимающуюся лаву. Удовлетворённый тем, что вероломство Калага было предано забвению, Разел побрел к реклюзиуму, где на смертном одре лежали погибшие Палачи.

Разел отказался от помощи аптекариев до тех пор, пока счёт не будет закончен. Он преклонил колени на мраморном полу реклюзиума. Слуга принес чашу с водой, которой Палач смыл пепел и засохшую кровь со своего лица. Впервые за сто лет он посмотрел на своих собравшихся братьев без меток покаяния.

Рексор шагнул вперёд и положил перед Говорящим-с-Мёртвыми топор Годана. Рядом с ним лежали расколотые шлема Ушменгаров, убитых сержантом-секирщиком. Гвалхмай опустил на пол покрытые насечками боевые ножи Амальрика, потрёпанный цепной меч Турула и порченные клинки одержимого космодесантника Хаоса, который был скорее машиной, чем человеком.

Один за другим выжившие складывали оружие павших Палачей вместе со взятыми у врагов трофеями, пока Разел не положил на пол топор эписистолярия. Пусть Калаг, и был убит, но какой ценой? Он победил своего врага и исполнил свою месть, и этого никто не мог оспорить. Но он потерял брата, чьи советы следовало слушать куда чаще.

Говорящий-с-Мёртвыми ненадолго закрыл глаза, его дыхание стало прерывистым.

Когда перезвон серебряных колокольчиков сменился звоном огромных колоколов из освящённого железа, раненый Палач поднял наруч своей брони типа X, ещё несущей боевые повреждения. Он ощутил его вес и начал гравировать имена тех, кто пал на Биньяамеме, нараспев оглашая свой счёт забоя и свои подвиги для живых, чтобы так он мог жить в вечности.

Последний из перворождённых. Тот, чьи глаза пронзили подземный мир.

«Игикура».

Далеко за пределами цивилизации, посреди бесформенных пустошей вне владений великих сил варпа мнивший себя богом демон-кузнец приостановил свою работу.

Ему стало известно о новом раздражителе в галактике, которая и так была полна подобных неприятностей. На фабриках его королевства промышленное производство не прекращалось никогда, но он мог растянуть секунду на достаточное для размышлений время.

Его слуга Калаг прорвал завесу между материумом и имматериумом, чтобы доставить обещанный храм-кузницу. Но проход был снова закрыт во вспышке, отражавшей свет ненавистного Анафемы. Он мог бы выбить недостатки из Ушменгаров, которые до его вмешательства были отбросами Астральных Когтей. Он мог даже вытащить душу варпового кузнеца из мучительных блужданий и выковать её заново.

Однако сейчас это могло подождать.

Он перевернул помятый наплечник с двумя топорами на красном поле. Передовые воины Империи были столь же разнообразны, как оружие и вредоносные машины, созданные Ковчеготатцем в Кузнице Душ.

Его глаза засверкали. Его крылья раскрылись. Было непросто принять вызов, брошенный таким наглым образом. Недостаток в машине нужно было вычленивать, вырезать и выбросить.

Когда план того, как именно поступить с этими Палачами, начал формироваться в его изошрённом разуме, Вашторр отложил наплечник, взял молот и возобновил свои труды.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Счёт_забоя_/_Tally_of_Slaughter_\(рассказ\)&oldid=25093](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Счёт_забоя_/_Tally_of_Slaughter_(рассказ)&oldid=25093)

Эта страница в последний раз была отредактирована 8 мая 2024 в 21:32.